

Подолезовские известия. - 1992. - 18. апр

Детские и отроческие годы Дягилева

Дягилев родился в Челищенских казармах (Новгородской губ.) 19 марта 1872 года.

«Помню, — пишет младшая тетка Дягилева Ю. П. Паренцова, — как я только что вышла из института и как вдруг случилось горе! Пришло известие, что в родах скончалась Женя! Помню, какое на меня произвело впечатление горе мамы, хлопоты о трауре и спешный наш отъезд в Челищенские казармы. Приехали: Женя на столе, а в другой комнате плачет маленький Сережа и Полюшка в отчаянии (ему было 25 лет). Помню сочувствие всего юного населения казармы, как мы и масса офицеров шли за ее гробом к реке Волхову, откуда на пароходе поехали хоронить ее в Кузьмино. А маленький Сережа беспечно спал на руках у няни Дуни...».

...Об исключительной дягилевской музыкальности, о том, как Дягилевы дышали музыкой, вспоминает мачеха Сергея Павловича, описывая жизнь в Бинбарде: «Но вот из залы раздались звуки фортепиано. Говор, крики, смех, движение... замирает... всякий спешит и какому-нибудь месту... даже дети приближаются на цыпочках и осторожно садятся... воцаря-

ется тишина, казавшаяся за минуту еще недостижимой. Все превращается в слух... Семья-музыкантша, в которой маленькие мальчики, гуляя, навсвистывают квинтет Шумана или симфонию Ветховена, приступила к священнодействию».

...Громадное значение во всех отношениях имело то обстоятельство, что Дягилев рос не в Петербурге и не в Москве, а в Бинбарде, — это имело значение, в частности, и в его подходе к искусству, в переживании искусства. Дягилев жил в русской природе, полюбил простую русскую природу, полюбил пермские и волжские пейзажи (память о совершенном в отроческие годы путешествия на Кавказ сохранялась на всю жизнь в Дягилеве, как одно из самых сильных впечатлений), полюбил русское, и эта большая, подлинная, взволнованная любовь в большой степени определила не художественные взгляды, а художественные пристрастия Дягилева, основателя и редактора

«Мира Искусства». Дягилева считали и продолжают считать эстетом и космополитическим эстетом. Да, он был и эстетом, и космополитическим эстетом, и мировое искусство не было для него закрыто и приводило его в восторг и в восхищение, но в основе его любви к искусству была любовь к русской природе.

Русское, национальное и националистическое направление в искусстве было ему чуждо и враждебно, как все нарочитое, как всякое направление, и он объявлял жестокою войну и «ложным берендеям», и «стенкам разиным». Он считал, что ничто не может быть губительнее для творца, как желание стать национальным, но при этом писал: «Единственный возможный национализм — это бессознательный национализм крови. И это сокровище редное и ценнейшее. Сама натура должна быть народной, должна невольно, даже, может быть, против воли (как это и было в самом Дягилеве), вечно

рефлектировать блеском коренной национальности. Надо выносить в себе народность, быть, так сказать, ее родовитым потомком с древней, чистой кровью нации. Тогда это имеет цену, и цену неизмеримую. Дягилев — эстет мог восхищаться каким-нибудь Обри Бердслеем, но любить, по-настоящему любить, он будет Левитанов, малютиных, Машеньку Якунчинову. И как только он начинает говорить о своих любимых художниках, так у него появляются иные, интимные, лирические слова, свидетельствующие о том, что «эстетство» было, во всяком случае, не первой природой Дягилева. Как он говорит о Левитане! — Левитан «успел научить нас тому, что мы не умели ценить и не видели русской природы русскими глазами, что никто до него во всей русской живописи не знал, как выразить на полотне всю бесконечную прелесть тех разнообразных ощущений, которые всякий из нас с таким блаженством

испытал прохладным утром или при лучах теплого вечера в убогой северной русской деревне... Сколько чисто пушкинского понимания русской природы во всем его творчестве, в его голубой лунной ночи и аллее заснувших столетних берез, тихо ведущих в старую знакомую усадьбу мечтательной Татьяны... Сенсационных картин он не оставил; его незатейливые уголки природы промелькнули перед нами, многие из них забылись, как бы слились с самой природой. Но одно осталось несомненно, что не забудется никогда. Стоит нам на минуту выбраться из удушливого чада пыльных городов и хоть немного ближе подойти к природе, чтобы вспомнить с благодарностью великие уроки художника русской земли. В колокольном ли звоне деревенской церкви, в корявом ли плетне или в посиневшем озере — всюду мы видим природу через него, сквозь него, как он сам ее видит и как другим ее раскрыл...».